

О ЧУДЕСАХЪ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Едва ли найдется такой слушатель или читатель повѣствованія Евангелиста Іоанна, отъ взора котораго укрылось бы то обстоятельство, что повѣствованіе это, отличаясь отъ повѣствованій другихъ Евангелистовъ вообще, особенно отличается отъ нихъ въ томъ отдѣлѣ, гдѣ говорится о чудесахъ Господа. Дѣйствительно, если сопоставить его съ этими послѣдними повѣствованіями, то прежде всего мы найдемъ, что, кромѣ одного чуда насыщенія хлѣбами (Іоан. 6), въ немъ нѣтъ ни одного (1), о которомъ первые Евангелисты дали бы намъ хотя какое нибудь указаніе. Объясняя и дополняя себя взаимно, эти послѣдніе какъ будто и не знаютъ, что существуетъ еще цѣлый рядъ фактовъ и фактовъ самыхъ замѣчательныхъ. За тѣмъ начинаютъ останавливать вниманіе другія особенности, хотя и болѣе второстепенныя, но также довольно значительныя, — особенности, касающіяся мѣста и времени. По повѣствованіямъ цер-

(1) О бѣдствіи въ плаваніи учениковъ Спасителя и *шестви Его по водамъ*, кромѣ Св. Іоанна (6, 16—20), повѣствуютъ Евангелисты Матвей (14, 23—27) и Маркъ (6, 47—50). — *Ред.*

выхъ трехъ Евангелистовъ, мѣстомъ чудесныхъ дѣйствій Господа была по преимуществу Галилея, по повѣствованію же Евангелиста Іоанна, такимъ мѣстомъ былъ по преимуществу главный городъ Іудейства — Іерусалимъ. По повѣствованіямъ трехъ первыхъ Евангелистовъ, время совершенія чудесъ было время неопредѣленное, по повѣствованію же Евангелиста Іоанна, такимъ временемъ были по большей части іудейскіе праздники, напр. праздникъ пасхи, праздникъ поставленія сѣней и т. п. Послѣ особенностей мѣста и времени, не мало останавливаетъ на себѣ вниманіе и то обстоятельство, что по повѣствованію Евангелиста Іоанна, сила Божественная всегда дѣйствуетъ въ чудесахъ въ такой необычайной мѣрѣ, какой рѣшительно нѣтъ соответствія въ повѣствованіяхъ первыхъ трехъ Евангелистовъ. Много разслабленныхъ и различныхъ недужныхъ исцѣлялъ Господь, по повѣствованію первыхъ трехъ Евангелистовъ, но ни одного такого, о которомъ было бы замѣчено, что онъ 38 лѣтъ, или болѣе, одержимъ былъ своимъ недугомъ. Много слѣпыхъ, по сказанію трехъ первыхъ Евангелистовъ, получило прозрѣніе отъ Господа, но ни объ одномъ не упомянуто такомъ, который былъ бы слѣпъ отъ рожденія. О случаяхъ воскрешенія мертвыхъ говорится и въ первыхъ трехъ повѣствованіяхъ, но не было ни одного такого, который бы равнялся по силѣ, въ немъ проявившейся, великому чуду воскрешенія четверодневно-умершаго Лазаря. Всё это вмѣстѣ взятое неоднократно поставляло въ недоумѣніе даже тѣхъ, которые причисляютъ себя къ друзьямъ христіанства; что же касается враговъ его, особенно враговъ всего чудодѣйственнаго, то оно давало имъ прямой поводъ къ рѣшительному отрицанію

всѣхъ чудесъ, о которыхъ говоритъ Евангелистъ Іоаннъ. Этотъ голосъ отрицанія нигдѣ не выраженъ съ такою ясностію и опредѣленностію, какъ въ Тюбингенской школѣ, представителемъ которой былъ Бауръ. Онъ посвятилъ Евангелію отъ Іоанна цѣлую большую книгу, гдѣ употребилъ всю силу діалектики, чтобы доказать только, что это Евангеліе не имѣетъ характера историческаго. По его воззрѣнію, все это Евангеліе не болѣе, какъ плодъ писателя втораго вѣка, желавшаго провести въ кругъ читателей извѣстную идею. Эта идея есть идея борьбы владычества и господства Іисуса съ невѣріемъ Іудеевъ, борьбы свѣта съ тьмою, вѣры съ невѣріемъ. Подъ эту-то основную идею и подведены будто бы всѣ части Евангелія и особенно чудеса. „Эти чудеса, говоритъ онъ, суть не болѣе, какъ центральные пункты, въ которыхъ сосредоточиваются лучи Божественнаго свѣта, исходящіе отъ личности Іисуса. То, что въ Синоптическихъ Евангеліяхъ, составлявшихъ для нашего Евангелиста матеріалъ, раздѣлено по различнымъ чудеснымъ разсказамъ, здѣсь, въ этомъ Евангеліи, подведено подъ извѣстныя категоріи; въ каждомъ чудѣ оображается общее понятіе; каждое изъ нихъ есть не болѣе, какъ тема, которая проведена въ слѣдующей рѣчи“ (1). Это-то иногда неправильное, а иногда и совершенно ложное пониманіе означеннаго отдѣла повѣствованія и побуждаетъ войти въ разборъ указанныхъ особенностей.

Первое, на что преимущественно обращается вниманіе, есть, какъ мы сказали, то, что, за исключеніемъ чуда насыщенія хлѣбами, нѣтъ ни одного, на которое

(1) Kritisch. Unt. üb. Kan. Ev. 191.

дали бы указаніе первыя Евангелисты. Но эта, обращающая на себя вниманіе особенность, по нашему мнѣнію, и принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, которыя всего мѣлче должны обращать на себя вниманіе. Для каждаго, хотя сколько нибудь знакомаго съ исторіографіею, не можетъ быть не извѣстно, что требованіе отъ каждаго біографа полнаго и всесторонняго изображенія жизни повѣствуемыхъ лицъ есть требованіе далеко не всегда возможное. Или недостатокъ прочнаго матеріала, или многосторонность жизни повѣстываемаго лица, или другія какія либо препятствія всегда служатъ причиною того, что рѣдко у какого писателя можно встрѣтить полное и всестороннее изображеніе жизни того или другаго лица. Особенно мало примѣнимо такое требованіе къ восточнымъ писателямъ. Въ этомъ случаѣ, мы можемъ сослаться на знаменитаго знатока исторіи востока Нибура, который въ своей исторіи Сиріи и Вавилона такъ говоритъ о восточныхъ писателяхъ: „восточный историкъ въ хронологическихъ очеркахъ показываетъ большую краткость, по которой историческое изображеніе бываетъ такъ неполно, что пропускъ даже важныхъ событій ничего не можетъ говорить противъ истинности“ (1). Это свидѣтельство можетъ найти полное для себя подтвержденіе въ историческихъ книгахъ ветхаго завѣта. Тамъ примѣры подобнаго рода очень не рѣдки. Такъ, во 2-й кн. Царствъ опущено повѣствованіе о союзѣ царей пустыни противъ Израиля въ царствованіе Иосафата. Въ той же книгѣ опущено отведеніе Манассіи въ Вавилонъ и его возвращеніе. Итакъ, если полное и всестороннее изложеніе жизни историческихъ лицъ въ большинствѣ случаевъ

(1) § 6.

невозможно. а у восточныхъ писателей и въ обычаѣ не было, то указанное выше требованіе уже въ самой основѣ своей оказывается не состоятельнымъ. Эта несостоятельность раскроется предъ нами еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на свойство первыхъ трехъ Евангелій и на свойство Евангелія отъ Іоанна. Первые не могутъ не сказать, почему ихъ писатели умолчали о событіяхъ Іерусалимскихъ, а послѣднее не можетъ не сказать, почему только эти, главнымъ образомъ, событія и заняли мѣсто на страницахъ этого Евангелія. Углубляясь въ содержаніе первыхъ трехъ Евангелій, мы не можемъ не замѣтить, что писатели этихъ Евангелій предметъ своихъ повѣствованій находили главнымъ образомъ въ Галилейской дѣятельности Господа; что же касается Іерусалимской Его дѣятельности, то они, по видимому, лишь на столько касались ея, на сколько это необходимо было для исторической связи. Надъ приискываніемъ примѣровъ трудиться много не нужно. Всѣ три Евангелиста даютъ довольно ясное указаніе, что пребываніе Господа въ Іерусалимѣ имъ извѣстно Мѡ. 23, 37 ср. Лук. 13, 34. Мѡ. 26, 61. Марк. 14, 58 ср. Іоан. 2, 19. 21. Мѡ. 27, 57. Марк. 15, 42; Лук. 23, 50, между тѣмъ, въ ихъ повѣствованіяхъ ничего нельзя найти болѣе, какъ одну галилейскую дѣятельность Господа; о пребываніи въ столицѣ іудейства они не сообщаютъ никакого понятія. Едва только успѣли сказать о событіи искушенія, какъ уже, не обращая вниманія на цѣлый рядъ событій іерусалимскихъ, прямо переходятъ ко второму прибытію Господа въ Галилею и непрерывно излагаютъ Его дѣятельность тамъ до самаго послѣдняго путешествія въ Іерусалимъ. Что этотъ пропускъ событій дѣйствительно былъ, и что онъ извѣ-

стенъ былъ самимъ Евангелистамъ,—это видно изъ ихъ Евангелій. Начиная говорить объ этой галилейской дѣятельности Господа, они прямо даютъ замѣтить, что начинаютъ говорить только съ извѣстнаго времени. *Услышавъ же Иисусъ, что Иоаннъ отданъ подъ стражу, удалился въ Галилею* (Мѡ. 4, 12.) или: *посль же того, какъ преданъ былъ Иоаннъ* (μὲτα δὲ τῆς παραδότημας τοῦ Ἰωάννου) *пришелъ Иисусъ въ Галилею* (Марк. 1, 14). Это указаніе на заключеніе Иоанна въ темницу было бы рѣшительно неумѣстно, если бы Евангелисты не имѣли въ виду указать читателямъ, что между событіемъ искушенія и удаленіемъ Иисуса въ Галилею находится значительный пропускъ событий. Если же и бывали случаи, что имъ почему либо нужно было коснуться іудейскихъ событий, то они всегда касались ихъ такъ, что какъ будто событія эти происходили въ неопредѣленное время и въ неопредѣленномъ мѣствѣ. Такъ Евангелисту Лукъ нужно было указать на усердіе одной жены къ слову Божію. Не смотря на то, что событіе это происходило въ одной изъ самыхъ ближайшихъ къ Іерусалиму мѣстностей, въ одно изъ путешествій Господа къ Іерусалиму, въ кругу извѣстнаго семейства въ Вифаніи, онъ, не только ничего не сказалъ о самомъ пребываніи въ Іерусалимѣ, но даже не хотѣлъ назвать самое это мѣстечко и потому выражался такъ: *въ продолженіи пути, Онъ пришелъ въ одно селеніе, здѣсь женщина, именовъ Марѡа, приняла Его въ домъ свой* (Лук. 10, 38.). Есть и другіе факты не менѣе замѣчательные. Извѣстно, что Господь оставилъ Галилею довольно задолго до послѣдней пасхи; извѣстно, что Онъ жилъ въ это время въ странахъ по другую сторону Іордана, что Онъ отсюда ходилъ въ Іерусалимъ, и потомъ снова возвращаясь; но такъ какъ

эти событія не лежали въ планѣ первыхъ Евангелистовъ, то они, едва сказавъ объ оставленіи Галилеи, тотчасъ переходятъ къ послѣдному входу Господа въ Іерусалимъ. Евангелистъ Лука, хотя и долѣе останавливается на этихъ событіяхъ, но и у него лишь намеки на нихъ. Такъ о пребываніи Господа на праздникъ кущей изъ того только и можно узнать, что онъ говоритъ о какомъ то пути чрезъ Самарію, который, безъ сомнѣнія избранъ былъ Господомъ, какъ путь кратчайшій (9, 51.) что онъ говоритъ о тысячахъ народа, которыя очевидно были не другія какія, какъ тысячи народа, возвращавшагося съ праздника (12, 1.), что ученіе Его состоитъ совершенно изъ тѣхъ же образовъ, какіе только можно взять отъ обстановки праздника кущей (Лук. 11, 33. 34). Все это приводитъ къ мысли, что первые три Евангелиста не имѣли намѣренія касаться событій іудейскихъ. Но если три первыхъ Евангелія говорятъ намъ, что писатели ихъ не намѣрены были касаться событій іудейскихъ, то четвертое Евангеліе говоритъ о своемъ авторѣ, что наоборотъ, этихъ то событій по преимуществу и намѣренъ онъ былъ касаться. Въ началѣ своего повѣствованія, онъ, хотя также прямо говоритъ о галилейской дѣятельности Господа (Іоан. 1, 43., 2, 13.), но онъ говоритъ о ней потому только, что эта дѣятельность пройдена молчаніемъ со стороны первыхъ трехъ Евангелистовъ (1). Когда же онъ пере-

(1) Эта дѣятельность по ясному выраженію самого евангелиста Іоанна была тогда, когда Іоаннъ Креститель не былъ еще взятъ подъ стражу (Іоан. 3, 24.). Замѣчательно, какъ у первыхъ двухъ Евангелистовъ есть ясное замѣчаніе о томъ, что извѣстные рассказы начинаются съ того времени, какъ Іоаннъ Креститель взятъ въ темницу, такъ наоборотъ у Евангелиста Іоанна—замѣчаніе о томъ, что извѣстныя событія относятся ко времени, когда онъ не былъ взятъ.

шелъ въ своемъ повѣствованіи къ тому времени, съ котораго начинается разсказъ первыхъ Евангелистовъ, то о событіяхъ галилейскихъ онъ начинаетъ уже говорить обще и просто подводитъ ихъ подъ цѣлую группу событій. Такъ, сказавши о второмъ посѣщеніи Господомъ Іерусалима, онъ продолжаетъ: „послѣ сего пошелъ Іисусъ по ту сторону моря Галилейскаго въ окрестности Тиверіады. За Нимъ послѣдовало множество народа, потому что видѣли чудеса, которыя Онъ творилъ надъ больными“ (6, 1. 2.). Правда, тотчасъ же послѣ этаго общаго опредѣленія, онъ упоминаетъ о галилейскомъ чудѣ насыщенія хлѣбами, но нельзя не видѣть, что онъ упоминаетъ о немъ какъ только о поводѣ, по которому произнесена была замѣчательная рѣчь въ Капернаумѣ. Когда же окончилъ онъ разсказъ объ этомъ, и когда нужно было снова перейти къ событіямъ галилейскимъ, то онъ опять начиналъ выражаться обще: „послѣ сего“, говоритъ онъ, „ходилъ Іисусъ по Галилеѣ, ибо по Іудеѣ не хотѣлъ ходить, потому что Іудеи искали убить Его (7, 1.). Изложивши въ этихъ двухъ краткихъ очеркахъ ту дѣятельность Господа въ Галилеѣ, о которой подробно говорятъ первые три Евангелиста, онъ тотчасъ возвращается къ избранному имъ предмету повѣствованія и говоритъ: *приближался праздникъ Іудейскій, поставленіе кущей* (7, 2.). Итакъ, если первые три Евангелія ясно говорятъ о томъ, что писатели ихъ не намѣрены были касаться событій іерусалимскихъ, а послѣднее—о томъ, что писатель его только этихъ событій и намѣренъ былъ касаться, то никто не имѣетъ права требовать, чтобы писатели первыхъ Евангелій говорили о событіяхъ іерусалимскихъ, а послѣдній говорилъ о событіяхъ

галилейскихъ. Такое требованіе очень сходно было бы съ тѣмъ, если бы кто нибудь отъ ботаника началъ требовать знанія физиологіи и наоборотъ отъ физиолога знанія ботаники. Какъ жизнь вселенной представляетъ такъ много сторонъ для разсмотрѣнія, что необходимо одному заняться тѣмъ, другому другимъ, а третьему— третьимъ и т. д., такъ точно и жизнь Иисуса Христа. Она такъ широка, такъ многостороння, что одному нѣтъ возможности вполнѣ исчерпать ее. Вотъ отчего даже послѣдній изъ Евангелистовъ кончаетъ свое Евангеліе слѣдующими словами: „многое и другое сотворилъ Иисусъ, но если бы писать о томъ подробно, то думаю, и самому міру не вмѣстить бы писанныхъ книгъ“ (Іоан. 21, 25.). Этими краткими, но выразительными словами Евангелистъ ясно призналъ, что полного и всесторонняго изображенія жизни Господа отдѣльно отъ того или другаго писателя — требовать нельзя. Слѣдовательно нѣтъ и не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что писатели первыхъ трехъ Евангелій, держась строго принятаго ими намѣренія говорить о событіяхъ галилейскихъ, не считали нужнымъ говорить о событіяхъ іерусалимскихъ. Если же Бауръ замѣчаетъ, что къ этому могло и должно было побудить ихъ величіе вѣхъ чудесъ, то на это можно замѣтить, что такого раздѣленія чудесъ на великія и малыя, какого держится Бауръ, не только не существовало для писателей Евангелій, но даже и для первыхъ читателей. Для тѣхъ и другихъ всѣ чудеса были одинаково важны; всѣ одинаково говорили имъ о высшей творческой силѣ, въ нихъ проявлявшейся. Что же касается вопроса о побужденіяхъ, руководившихъ писателей къ избранію предметовъ повѣствованій, то на

этотъ вопросъ мы имѣли бы полное право и не отвѣчать, такъ какъ онъ совершенно равняется вопросу: почему тотъ или другой авторъ избралъ предметомъ своего сочиненія ту или другую тему, или, почему художникъ написалъ именно эту, а не другую картину; но какъ и отъ этого вопроса возникаютъ своего рода недоразумѣнія и довольно важныя, то и его мы не можемъ оставить безъ отвѣта. Для рѣшенія его, мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ тому довольно отвлеченному отвѣту знаменитаго Генкетенберга, по которому все содержаніе Евангельской исторіи раздѣляется на два класса; къ одному принадлежитъ все болѣе простое, болѣе доступное, къ другому все болѣе таинственное, болѣе возвышенное, — и вотъ эти то двѣ стороны и раздѣлены будто бы были между Апостолами. Одному досталась одна, другимъ — другая. Такой отвѣтъ, если можетъ имѣть значеніе, то развѣ для тѣхъ только читателей, которые вполне признаютъ Божественную силу, руководившую Апостолами; что же касается тѣхъ, которые относятся къ этому съ сомнѣніемъ, то онъ можетъ вызвать со стороны ихъ только одну улыбку. Есть данныя отвѣчать на этотъ вопросъ болѣе опредѣленно. Для писателей первыхъ трехъ Евангелій побужденіемъ къ избранію галилейской, а не іерусалимской дѣятельности Господа, служили просто тѣ отношенія, въ которыхъ были поставлены писатели къ этимъ двумъ дѣятельностямъ. Іерусалимская дѣятельность Господа, какъ извѣстно изъ Евангелій, не имѣла такого публичнаго характера, какой имѣла дѣятельность Господа въ Галилеѣ. Такъ какъ умереть ранѣе времени, положеннаго въ Божественномъ планѣ, Онъ не хотѣлъ, то Онъ, хотя и

обращалъ рѣчь къ народу прямо и открыто, хотя и чудеса творилъ также, но, чтобы избѣжать преслѣдованія, избѣгалъ окружать себя многими послѣдователями. На одномъ изъ праздниковъ Ему нужно было даже чудесно скрыться, чтобы не сдѣлаться преждевременною жертвою (Іоан. 5, 13), а на другой, именно праздникъ кущей, онъ пришелъ уже не явно, а какъ бы тайно, по замѣчанію Евангелиста (Іоан. 7, 10.). Изъ всего этого нельзя не видѣть, что Господь, если отправлялся въ Іерусалимъ, то отправлялся не иначе, какъ только съ самыми близкими учениками, слѣдовательно непосредственныя свѣдѣнія о іерусалимской дѣятельности Господа имѣли только нѣкоторые изъ учениковъ Господа. Иное явленіе представляла дѣятельность Господа въ Галилеѣ. Здѣсь онъ былъ окруженъ тысячами народа (Мѣ. 4, 25. 8, 1. 9, 36. 13, 2. 15, 30. Марк. 3, 8. 8. 9. Лук. 5, 15. 8, 4. 12, 1.) Здѣсь, кромѣ двѣнадцати Апостоловъ, Его сопровождали еще 70 (Лук. 10, 1), которыхъ Онъ также избралъ особенно; слѣдовательно эта галилейская дѣятельность могла быть болѣе извѣстна, болѣе имѣть непосредственныхъ свидѣтелей, чѣмъ дѣятельность іерусалимская. Изъ этого различія въ характерѣ дѣятельности Господа, нельзя не видѣть, что послѣдняя, т. е. іерусалимская дѣятельность могла быть взята, какъ предметъ для повѣствованія, только такимъ лицомъ, который могъ быть непосредственнымъ свидѣтелемъ ея, и слѣдовательно такимъ, который принадлежалъ къ числу самыхъ близкихъ, самыхъ довѣренныхъ учениковъ Господа. Но на основаніи тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ Евангелія, мы ни объ одномъ изъ писателей трехъ первыхъ Евангелій не можемъ сказать, чтобы кто ни-

будь изъ нихъ могъ быть такимъ свидѣтелемъ. О Евангелистахъ Маркѣ и Лукѣ и говорить нечего; принадлежа къ числу 70 учениковъ Господа, они очевидно не могли быть свидѣтелями всего, что происходило въ Іерусалимѣ. Болѣе основаній думать, что такимъ свидѣтелемъ могъ быть Евангелистъ Матѳеѣй, какъ принадлежавшій къ числу 12-ти, но если внимательнѣе прослѣдить то, что говорятъ намъ Евангелія, то и Апостола Матѳея нельзя совершенно отнести къ числу первыхъ свидѣтелей. Въ теченіи своего общественнаго служенія роду человѣческому Господь посѣтилъ Іерусалимъ пять разъ. Въ первый разъ Онъ прибылъ туда вскорѣ послѣ открытаго вступленія въ общественное служеніе. Послѣ этого Онъ пришелъ сюда чрезъ годъ и опять на праздникъ (Іоан. 5, 1). Въ третій и четвертый разъ Господь былъ въ Іерусалимѣ уже тогда, когда оставилъ Галилею. Сюда относятся праздникъ кущей и праздникъ обновленія храма. Въ пятый разъ Онъ пришелъ окончательно. Кромѣ этихъ пяти путешествій было еще одно, которое направлено было не собственно въ Іерусалимъ, а въ одно изъ ближайшихъ къ нему селеній, именно въ Вифанію. Изъ всѣхъ этихъ шести путешествій нельзя почти назвать ни одного, въ которомъ возможно было бы предположить присутствіе Евангелиста Матѳея. При первомъ путешествіи объ этомъ и думать нельзя; оно было гораздо ранѣ призванія Матѳея къ апостольскому служенію. Оно было еще до взятія Іоанна крестителя подъ стражу, а призваніе Матѳея было послѣ (Іоан. 3, 24. Сравни. Мѳ. 9.). Трудно предположить, чтобы онъ былъ участникомъ и втораго путешествія. На основаніи того, что Господь скрывался (5, 13) и что Евангелистъ Іоаннъ рѣши-

тельно не замѣтилъ ничего о присутствіи 12-ти, можно думать, что и въ это время Господь не былъ окруженъ всѣми учениками. О путешествіи на праздникъ кущей прямо замѣчено, что оно было не явно, а какъ бы тайно (7, 10), но путешествіе въ сообществѣ 12-ти учениковъ не было бы путешествіе тайное. Путешествіе на праздникъ обновленія храма не раздѣльно съ путешествіемъ на праздникъ кущей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что и путешествіе въ Виванію для воскрешенія Лазаря было не болѣе, какъ въ сообществѣ самыхъ избранныхъ учениковъ. При воскрешеніи дочери Таира Онъ никому не дозволилъ быть, кромѣ Петра, Іакова и Іоанна (Марк. 5, 37). Остается одно послѣднее путешествіе, при которомъ безъ сомнѣнія были всѣ Апостолы, о которомъ находятся сказанія у всѣхъ Евангелистовъ. Итакъ, если іерусалимская дѣятельность ни одному изъ первыхъ трехъ Евангелистовъ не могла быть вполне извѣстна, извѣстна на столько, на сколько была извѣстна дѣятельность галилейская, то молчаніе ихъ о событіяхъ іерусалимскихъ становится весьма понятнымъ. Быть можетъ какому либо изъ Евангелистовъ, особенно Евангелисту Маттею, и пришлось быть въ Іерусалимѣ въ одно какое либо изъ путешествій туда, но у нихъ все таки былъ недостатокъ въ непосредственныхъ свѣдѣніяхъ о другихъ путешествіяхъ, и этотъ-то недостатокъ могъ быть достаточнымъ побужденіемъ, чтобы ограничиться сферою только тѣхъ событій, которыя были непосредственно имъ извѣстны. Притомъ они не могли не быть увѣрены, что эта мало извѣстная имъ дѣятельность не можетъ предаться забвенію, что она найдетъ себѣ повѣствователя въ такомъ лицѣ, которому болѣе близко она извѣстна. Они зна-

ли, что въ числѣ 12-ти были трое такихъ, которые были неразлучными спутниками Господа во всѣхъ Его путешествіяхъ, которые пользовались особеннымъ довѣріемъ со стороны Господа, и слѣдовательно были вполне убѣждены, что если не тотъ, то другой, или третій передадутъ объ этой дѣятельности. Это-то очень простое обстоятельство и было причиною, что три первые Евангелиста исключили изъ круга своихъ повѣствованій всё что не было имъ вполне извѣстно, и ограничились тѣмъ, что было имъ болѣе доступно. Относительно побужденій, руководившихъ Евангелиста Іоанна къ избранію іерусалимской по преимуществу дѣятельности Господа, мы еще болѣе имѣемъ данныхъ, заимствованныхъ изъ самаго древняго преданія. Эти побужденія происходили не отъ чего другого, какъ просто изъ того, что въ представленныхъ Апостолу Іоанну трехъ первыхъ Евангеліяхъ, онъ нашелъ значительный пропускъ событій, который и счелъ нужнымъ дополнить. Такое преданіе было распространено во всѣхъ почти церквяхъ. Самыя ясныя и выразительныя свидѣтельства находимъ у слѣдующихъ отцевъ Церкви: Иринея и Епифанія, равно также: у Климента Александрійскаго, Евсевія и блаженнаго Іеронима. Такъ, Климентъ Александрійскій, извѣстный своею ученостію, своимъ знаніемъ библейскихъ книгъ, какъ преданіе древнѣйшихъ пресвитеровъ передастъ слѣдующее: „Іоаннь, послѣдній изъ Евангелистовъ, замѣтивъ, что въ другихъ Евангеліяхъ возвѣщено только о тѣлесномъ (τα σωματικῶ) по просьбѣ друзей и по внушенію Св. Духа, написалъ Евангеліе духовное (πνευματικὸν εὐαγγέλιον) (1)“. Блаженный Іеронимъ,

(1) Евсев. Ист. Цер. VI, 11.

этотъ замѣчательный труженникъ по части библейскихъ книгъ, сказавъ, что Евангелистъ Иоаннъ написалъ Евангеліе по просьбѣ епископовъ, противъ Керинеа и Евіонитовъ, прибавляетъ: „говорятъ еще и о другой побудительной причинѣ написанія Евангелія: когда онъ прочелъ свитки (volumina) Матѳея Марка и Луки, то хотя и одобрилъ текстъ исторіи и утвердилъ, что они сказали истину, но замѣтивъ, что онъ изложилъ исторію одного года, въ которомъ Иоаннъ по заключеніи пострадалъ. Итакъ, опустивши годъ, коего дѣянія были изложены тремя первыми, онъ разсказалъ объ обстоятельствахъ времени предшествовавшаго заключенію Иоанна въ темницу, какъ это можетъ быть извѣстно тѣмъ, которые со вниманіемъ стали бы читать четыре свитка Евангелій. Это обстоятельство уничтожаетъ то разногласіе, которое, какъ кажется, имѣетъ Иоаннъ съ тремя первыми“ (1). Что такое преданіе можетъ найти для себя подтвержденіе въ самомъ Евангеліи, объ этомъ и говорить нечего. Не только цѣлыя группы событій—вставлены именно тамъ, гдѣ находится пропускъ въ первыхъ Евангеліяхъ (всѣ событія до взятія Крестителя подъ стражу), но даже въ частныхъ отдѣльныхъ событіяхъ (таковы событія страданія, погребенія и воскресенія Господа). Все сказанное приводитъ къ тому заключенію, что особенность молчанія первыхъ трехъ Евангелистовъ о событіяхъ іерусалимскихъ имѣетъ самое простое, самое естественное для себя объясненіе.

Особенность въ указаніи мѣста и времени еще менѣе можетъ представлять затрудненій. Если чудесная дѣятельность Господа была необходима для жителей

(1) Catalog. Script. Eccles. c. 9.

Хрест. Чт. № 1, ч. 1.

Галилеи, то она также, если не больше, необходима и для жителей Иерусалима. Можно сказать даже, что если гдѣ, то именно въ Иерусалимѣ, и именно въ праздники, она и была всего больше необходима. Этого требовалъ характеръ мессіанской дѣятельности Господа. Какъ пребываніе въ Галилеѣ не мыслимо безъ пребыванія въ Иерусалимѣ, такъ точно и это послѣднее не мыслимо безъ чудесной тамъ дѣятельности. Какъ тотъ, такъ и другой фактъ т. е., какъ пребываніе въ Иерусалимѣ, такъ и чудеса тамъ, необходимо требуются тою задачею, какую должна была имѣть мессіанская дѣятельность Господа. Въ какихъ бы широкихъ размѣрахъ ни была представлена дѣятельность Господа въ Галилеѣ, но все таки эта дѣятельность, какъ дѣятельность въ довольно глухой, довольно изолированной провинціи, не можетъ назваться дѣятельностію вполне публичною, міровою. Такъ какъ жители Галилеи были по большей части простые поселяне, жившіе вдали отъ центровъ торговой дѣятельности и общественной жизни, то дѣятельность въ Галилеѣ могла быть извѣстна не больше, какъ въ одной этой мѣстности, и уже много, если въ какой либо изъ ближайшихъ сосѣднихъ, слѣдовательно мессіанская дѣятельность никакъ не могла бы найти здѣсь соотвѣтствующей для себя рамки. Будь сосредоточена эта дѣятельность только въ этой именно области, и задача мессіанства не была бы выполнена не только относительно всѣхъ народовъ, но даже относительно того самаго народа, къ которому прежде всего относилась она. Невѣріе, съ которымъ еврейскій народъ отнесся къ Мессіи, всегда имѣло бы для себя оправданіе въ томъ невѣдѣніи, на которое этотъ народъ могъ бы по всей справедливости ссылаться. (Она

могъ бы сказать, что хотя многие изъ насъ и слышали о необыкновенномъ ученіи, о необычайныхъ дѣлахъ, но слышали отъ людей страны, которая издавна славилась своею необразованностію; онъ могъ сказать, что я не слыхалъ, чтобы Мессія заявилъ о Себѣ гдѣ либо публично, заявилъ предъ лицомъ моихъ руководителей: законниковъ, старѣйшинъ, учителей народа. „Если бы Я, говорить самъ Господь, не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ“ (Іоан. 15. 22). То же самое могли бы поставить въ свое оправданіе и другіе народы. Изъ всего этого необходимо слѣдуетъ, что Господь Иисусъ необходимо долженъ былъ заявить Себя, какъ Мессію, гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, откуда бы всего легче могла развестись молва о Немъ, не только въ народъ іудейскомъ, но и между другими народами. Господь Иисусъ и избралъ для этой цѣли Іерусалимъ, и избралъ не въ обыкновенное время, а въ праздничные дни, и по преимуществу въ праздники пасхи. Такое избраніе вполне соотвѣтствовало Его цѣли. Іерусалимъ и самъ по себѣ, какъ столица, имѣлъ безъ сомнѣнія самое ближайшее сопркосновеніе со всѣми іудейскими провинціями, но онъ при этомъ былъ еще средоточный пунктъ религіозный для всего народа; здѣсь находилось то святилище, которое было единственнымъ для всего народа, о которомъ каждый зналъ, что именно въ немъ долженъ былъ явиться Мессія; здѣсь находились всѣ духовные и гражданскіе правители народа, на которыхъ такъ много полагался онъ въ образѣ своихъ дѣйствій. Наконецъ Іерусалимъ не былъ чуждъ и для иностранцевъ. Находясь подъ владычествомъ сильнаго и могущественнаго въ то время народа римскаго, народъ іудейскій

по необходимости долженъ былъ имѣть сношеніе, какъ съ самыми римлянами, такъ и со многими другими со-подчиненными имъ народами. Кромѣ того іудейская религія предъ временемъ Рождества Христова насчитывала у себя уже очень многихъ прозелитовъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало жизнь іерусалимскую чрезвычайно оживленною. Но никогда эта оживленность не достигала такого развитія, какъ въ праздники іудейскіе и особенно праздникъ пасхи. Тысячи народа наполняли въ это время святой городъ. Болѣе чѣмъ 256,000 агнцевъ ⁽¹⁾, по свидѣтельству Іосифа Флавія, приносилось въ это время въ жертву истинному Богу. Вотъ отъ чего невѣрующіе еще братья Господа прямо говорили Ему, что если Онъ хочетъ открыть Себя міру, то долженъ открыть Себя въ Іудеѣ, разумѣя при этомъ главнымъ образомъ Іерусалимъ. „Выйди отсюда, говорили они, и поиди въ Іудею, чтобы и ученики Твои видѣли дѣла, которыя Ты дѣлаешь. Ибо никто не дѣлаетъ чего либо въ тайнѣ и ищетъ самъ быть извѣстнымъ. Если творишь Ты такія дѣла, то яви Себя міру“ (Іоан. 7, 3. 4). Но какъ бы ни были удобны для Его цѣли мѣсто и время, однако ни то, ни другое не помогло бы Господу въ исполненія Его Божественнаго плана, еслибы Онъ, явившись здѣсь, явилъ Себя не какъ Чудотворецъ, а какъ только великій Учитель. Въ этомъ случаѣ, цѣль мессіанской дѣятельности точно также не была бы достигнута, какъ въ томъ, еслибы эта дѣятельность была сосредоточена только въ Галилеи. Такое высокое и мало понятное, для человечества того времени, ученіе, какъ ученіе Іисуса Христа

(1) Jos. Bell. Jud. 6, 9, 3.

о Себѣ, какъ о Сынѣ Божиѣмъ, какъ о хлѣбѣ животномъ, какъ о свѣтѣ, просвѣщающемъ міръ, необходимо требовало, чтобы оно было чѣмъ либо оправдано. Это оправданіе тѣмъ болѣе требовалось, что ученіе это исходило отъ такого Лица, въ которомъ іудеи всего менѣе думали видѣть Мессію. Будь произнесено это ученіе такимъ лицомъ, которое, хотя не много бы подходило подъ составленный іудеями идеаль Мессіи, и тогда они потребовали бы отъ него, чтобы оно доказало достовѣрность проповѣдуемаго имъ ученія; но какъ ученіе это выходило отъ смиреннаго учителя Галилеи, отъ такого лица, происхождение котораго не было тайною (какъ понимали происхождение Мессіи іудеи), но отца и мать котораго они знали хорошо, отъ лица, которое во многомъ отступало отъ принятыхъ въ народѣ обрядовъ, то требованіе это могло быть еще настойчивѣе. Но въ чемъ бы нашло это требованіе для себя удовлетвореніе, еслибы пребываніе въ Іерусалимѣ не ознаменовано было никакимъ чудомъ? Чудеса въ Галилеи были далеко недостаточны для этой цѣли. О нихъ могло сказать большинство въ народѣ, что оно, или совершенно о нихъ не знаетъ, или же, если и знаетъ, то не вполне довѣряетъ. Да и самое свойство невѣрія таково, что оно всегда старается найти всевозможныя для себя оправданія, что оно только предъ тѣмъ и можетъ преклоняться, поколебаться, что совершается непосредственно предъ нимъ. Еще менѣе могло быть достаточно для этой цѣли свидѣтельство Крестителя. Это свидѣтельство имѣло цѣлю только подготовить умы къ принятію Искупителя, но никакъ не служить окончательнымъ удостовѣреніемъ въ Его Божественномъ посланничествѣ. И въ обыкновенной жизни бываетъ такъ,

что какъ скоро требуется отъ какого либо лица ручательство въ чемъ либо, то это ручательство принимается только отъ такого лица, авторитетъ котораго вполне извѣстенъ, о которомъ всею извѣстно, что оно можетъ быть порукою въ этомъ дѣлѣ; точно также должно было случиться и въ жизни Искупителя. Если Онъ долженъ былъ имѣть какое либо ручательство за достоверность Своего ученія, то Онъ долженъ былъ имѣть его не отъ такого лица, которое было неизмѣримо ниже его, но отъ такого, которое было бы Ему равно, словомъ самъ Богъ Отецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать о Его Божественномъ посланничествѣ. Это свидѣтельство и выразилось въ чудесахъ, которыя Онъ творилъ силою Своего Божества и силою Своего единства съ Богомъ Отцомъ. „Если Я свидѣтельствую Самъ, говорилъ Онъ, то свидѣтельство Мое не есть истинно. Есть другой свидѣтельствующій о Мнѣ, и Я знаю, что истинно то свидѣтельство, которымъ Онъ свидѣтельствуетъ о Мнѣ. Вы послали къ Іоанну, и онъ засвидѣтельствовалъ объ Истинѣ. Впрочемъ Я не отъ человѣкъ принимаю свидѣтельство.... Я имѣю свидѣтельство больше Іоаннова; ибо дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, самая дѣла сн, Мною творимыя, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, что Отецъ Моея послалъ (Іоан. 5. 31—36). Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрйте Мнѣ. А если творю, то когда не вѣрите Мнѣ, вѣрйте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ³ (10, 37. 38).

Такимъ образомъ характеръ Мессіанской дѣятельности необходимо требовалъ не только того, чтобы Господь избралъ Іерусалимъ мѣстомъ Своей дѣятельности, но и того, чтобы эта дѣятельность была, между прочимъ, и дѣятельностію чудесною.

Намъ остается теперь рассмотреть третью и послѣднюю особенность, которая, какъ мы сказали, состоитъ въ томъ, что въ чудесахъ, повѣствуемыхъ Евангелистомъ Іоанномъ, сила чудодѣйственная проявляется гораздо сильнѣе, гораздо выразительнѣе, чѣмъ въ тѣхъ чудесахъ, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Хотя особенность эта дѣйствительно довольно примѣчательная, но выводить, на основаніи ея, какія либо заключенія, неблагопріятныя для достовѣрности Евангелія, рѣшительно нѣтъ никакого права. Такого рода заключенія могутъ выводить развѣ тѣ только, которые заражены чудобоязнію. Только личности подобнаго рода, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ чудесъ вообще, желаютъ отдѣлаться отъ тѣхъ по крайней мѣрѣ, въ которыхъ особенно проявлялась сила Божественная и которыя были болѣе публичны. Но напрасная надежда; и эта особенность, при внимательномъ разсмотрѣніи ея, не можетъ дать никакого повода къ какому либо неблагопріятному заключенію о самомъ повѣствованіи. Если мы видимъ, что и обыкновенныя силы природы дѣйствуютъ не вездѣ одинаково, если мы видимъ, что и эти силы всегда дѣйствуютъ сильнѣе тамъ, гдѣ или находится болѣе для нихъ сопрогивленія, или же тамъ, гдѣ болѣе для нихъ благопріятныхъ условій, то тѣмъ болѣе никто не въ правѣ требовать однообразія въ дѣятельности отъ силы Божественной, управляемой Божественнымъ разумомъ. Какъ первая всегда дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, которые ни измѣнить, ни нарушить никто не можетъ, такъ точно и сила Божественная дѣйствуетъ по тѣмъ мудрымъ законамъ, которые предположены въ Божественномъ планѣ, и которые не только никто измѣнить не можетъ, но даже

изслѣдовать не въ состояніи. Основываясь на этомъ, мы имѣли бы право и не простираеть сужденій объ этомъ предметѣ, но такъ какъ мы имѣемъ нѣкоторыя данныя, чтобы судить о причинѣ усиленія такой дѣятельности, то, для предотвращеній какихъ либо недоразумѣній, не намѣрены уклоняться отъ сужденія и объ этомъ предметѣ. Хотя сравненіе человека болѣзненно-го душевно съ человекомъ больнымъ тѣлесно есть сравненіе уже довольно устарѣлое, но тѣмъ не менѣе оно очень примѣнимо въ настоящемъ случаѣ. Если мы обратимъ вниманіе на приемы врача при упогребленіи лекарствъ для больныхъ тѣломъ, то мы замѣтимъ, что одно и то же лекарство онъ не для всѣхъ употребляетъ въ одинаковой мѣрѣ и степени: для однихъ, болѣе слабыхъ, болѣе воспримчивыхъ по своей натурѣ, онъ употребляетъ въ меньшей мѣрѣ, для другихъ же, болѣе крѣпкихъ, болѣе, такъ сказать, грубыхъ по своей натурѣ, онъ употребляетъ въ большемъ размѣрѣ, въ большей степени. Точно такой же предусмотрительности требуютъ и больные нравственно. Такъ какъ чудо есть тоже въ своемъ родѣ лекарство для уврачеванія больныхъ нравственно, для уврачеванія невѣрія, такъ какъ и Господь не иначе смотрѣлъ на него, какъ на дѣйствительное средство противъ невѣрія (Іоан. 4, 48); то очевидно тѣ изъ зараженныхъ этою болѣзнію, которые владѣютъ душою болѣе воспримчивою ко всему святому, духовному, тѣ менѣе нуждаются для своего убѣжденія въ какомъ либо необыкновенномъ проявленіи силы Божественной; напротивъ тѣ, которые болѣе упорны въ своихъ заблужденіяхъ, у которыхъ религіозные, національные и другіе предрасудки сильнѣе укоренились, для тѣхъ очевидно многое и очень многое тре-

буется, чтобы побѣдить это невѣріе. Слѣдовательно чудеса, какъ средство противъ невѣрія, не вездѣ могутъ имѣть одинаковое примѣненіе. Итакъ, если чудо необходимо должно имѣть примѣненіе къ нравственной природѣ человѣка, то Іерусалимъ и Галилея стояли далеко не въ одинаковыхъ между собою отношеніяхъ. Хотя о жителяхъ Галилеи также нельзя сказать, что они не были заражены невѣріемъ, но все таки, сравнительно съ жителями Іерусалима, они много имѣли въ этомъ случаѣ преимуществъ. Находясь вдали отъ храма, они, хотя также ревновали о соблюденіи закона, но ревновали далеко не такъ суевѣрно и сильно, какъ жители Іерусалима. Слѣдовательно покрывало религіозныхъ предразсудковъ всего менѣе могло заслонять для нихъ истинное достоинство лица Мессіи. Вотъ отъ чего Господь Іисусъ далеко не былъ для жителей Галилеи такимъ преступникомъ противъ закона, какимъ былъ онъ для жителей Іерусалима. Изъ Евангелія отъ Іоанна мы знаемъ, что въ одно время жители Галилеи хотѣли нечаянно взять Господа и сдѣлать царемъ (Іоан. 6, 15). Не таково было положеніе жителей Іерусалима. Находясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ святилище, гдѣ Сунедріонъ, они были болѣе привязаны къ внѣшней обрядовой сторонѣ закона, и болѣе внимательны къ каждому даже малѣйшему его нарушенію. Вотъ отъ чего нигдѣ не приходилось Господу испытать такъ много обвиненій въ нарушеніи субботы, даже совершеніемъ чудесъ, какъ въ Іерусалимѣ. Слѣдовательно въ Іерусалимѣ нужно было имѣть дѣло съ гораздо большимъ упорствомъ невѣрія, чѣмъ въ Галилеѣ. Отсюда-то и можетъ объясняться то различіе въ характерѣ чудесъ, какое замѣчаемъ мы между чудесами, о кото-

рыхъ говорить Ев. Иоаннъ, и чудесами, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Хотя и жители Галилеи нуждались въ проявленіи чудодѣйственной силы, но они далеко не такъ нуждались, какъ жители Иерусалима. Не будучи сильно заражены религіознымъ формализмомъ, они въ немногѣмъ нуждались, чтобы убѣдиться въ истинномъ достоинствѣ лица Мессіи. Слѣдовательно, если они видѣли, что слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ, мертвые воскресаютъ, то въ какой бы формѣ это не выразилось, для нихъ было вполне достаточно, чтобы видѣть въ чудотворцѣ, если не Мессію, то по крайней мѣрѣ одного изъ величайшихъ пророковъ. Для жителей же Иерусалима, какъ для людей болѣе упорныхъ, болѣе зараженныхъ религіозными предразсудками нужно было, хотя то же самое, только въ другой болѣе выразительной формѣ. Для нихъ нужны были такіа чудеса, которыя бы могли болѣе сильно подѣйствовать на ихъ нравственную природу, которыя бы заставили вдругъ заговорить цѣлый городъ и такимъ образомъ обратить вниманіе на великаго чудотворца. Вотъ и причина, что здѣсь изъ безчисленнаго множества недужныхъ избирается такой, который вмѣстѣ съ своимъ внутреннимъ достоинствомъ, соединялъ въ себѣ и то, что уже 38-мъ лѣтъ лежалъ при купѣли и который слѣдовательно былъ извѣстенъ не только большинству жителей города, но и многимъ изъ иностранцевъ. Вотъ причина, что здѣсь получаетъ исполненіе не просто слѣпой, но слѣпой отъ рожденія, который, какъ показываетъ Евангеліе, хотя и самъ въ себѣ заслуживалъ, чтобы обратить на себя вниманіе чудотворца, но который вмѣстѣ съ тѣмъ и то еще имѣлъ въ себѣ, что всѣмъ извѣстенъ былъ, какъ сѣдай и просяй (Іоан. 9, 8.).

Вотъ причина, что здѣсь умершій воскрешается уже тогда, когда дѣйствительность смерти была несомнѣнна. Это послѣднее обстоятельство особенно важно. Услышавъ, что Лазарь боленъ Господь идетъ въ Виванію, чтобы помочь больному; нѣтъ. Онъ идетъ туда уже тогда, когда больной умеръ; можно думать, что даже и послѣ-то смерти, Онъ пробылъ на своемъ мѣстѣ дня два. Такъ какъ Господь Иисусъ прибылъ въ Виванію уже на четвертый день смерти, между тѣмъ отъ Вивавары было никакъ не болѣе двухъ дней хода, то очевидно Господь не тотчасъ пошелъ послѣ смерти своего друга. Да и Самъ Господь прямо сказалъ: „радуюсь за васъ, что Меня не было тамъ, дабы вы увѣровали“ (Іоан. 11. 15). Это обстоятельство ясно показываетъ, что проявленіе особенной силы въ чудесахъ іерусалимскихъ не было случайное, но стояло въ тѣсной связи съ особенною нѣлю этихъ чудесъ, и именно тою, чтобы сильнѣе противодѣйствовать невѣрію іудеевъ. Итакъ, нѣтъ ни одной особенности, которая бы могла говорить что либо противъ достовѣрности разсматриваемаго нами отдѣла повѣствованій.

Что же касается воззрѣній Новотюбингеской школы, и особенно воззрѣній Баура, отказывающаго означенному отдѣлу повѣствованій въ исторической достовѣрности, то оно, кромѣ выставленныхъ нами, при разборѣ особенностей, основаній, оказывается несостоятельнымъ и въ другомъ отношеніи. Извѣстно, что каждый авторъ, какъ скоро рѣшается, подъ оболочкою извѣстныхъ фактовъ, провести какую либо идею, то онъ, руководясь правиломъ благоразумія, повелѣвающаго избирать для каждой цѣли средства болѣе вѣрныя, всегда старается устранить всѣ случаи, могущіе бросить тѣнь

на его произведеніе. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если ему замаскировать свое произведеніе не придется, онъ не только не достигнетъ своей цѣли, но даже навлечетъ на себя сильное обвиненіе во лжи и обманѣ. И такъ, если бы авторъ Евангелія принадлежалъ къ подобнымъ личностямъ, то онъ не преминулъ бы воспользоваться этимъ простымъ правиломъ благоразумія. Между тѣмъ, изъ разсматриваемаго нами отдѣла, мы не только не замѣтимъ въ авторѣ ничего, что указывало бы на такую предосторожность, но даже встрѣтимъ противное. Если авторъ дѣйствительно имѣлъ въ виду выразить борьбу владычества Іисуса съ невѣріемъ іудеевъ, то онъ рѣшительно не имѣлъ нужды прибѣгать къ такимъ средствамъ, которыя могли выдать его на первомъ шагу. Онъ рѣшительно не имѣлъ нужды выдумывать небывалыя чудеса и выдавать за дѣйствительно совершившіяся въ одномъ изъ самыхъ публичныхъ мѣстъ. Для его цѣли вполнѣ были достаточны и тѣ чудеса, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Эти послѣднія чудеса только въ томъ и могли уступать первымъ, что не могли обратить на себя такъ быстро вниманіе, какъ могли обратить тѣ; что и было, какъ мы сказали, причиною того, что Господь совершалъ въ Іерусалимѣ чудеса, отличавшіяся болѣе сильнымъ, повидимому, проявленіемъ въ нихъ силы Божественной. Какъ скоро же и тѣ (т. е. чудеса, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты) восприняты въ сознаніе, то дѣйствіе ихъ совершенно одинаково съ первыми; какъ тѣ, такъ и другія одинаково могутъ свидѣтельствовать и о величинѣ чудотворца и о невѣрїи іудеевъ. Чудо надъ разслабленнымъ не увеличивается отъ того, что оно совершено надъ больнымъ, страдавшимъ 38 лѣтъ. Оно также

осталось бы великимъ и въ томъ случаѣ, если бы было совершено надъ больнымъ, страдавшимъ меншее число лѣтъ. Чудо исцѣленія слѣпца также не становится еще чудеснѣе отъ того, что слѣпой является слѣпымъ отъ рожденія. Главное-то дѣло не въ томъ, когда человекъ ослѣпъ: до или послѣ рожденія, а въ томъ, что былъ слѣпъ, и что кромѣ Божественнаго Чудотворца исцѣлить его никто не могъ. Точно также и въ чудѣ воскрешенія Лазаря. Если уже человекъ былъ мертвъ, то два ли, три ли дня спустя было воскрешеніе — всё равно. Всѣ эти усиливающія чудо обстоятельства, повторяемъ, если и были нужны, то единственно для того, чтобы скорѣе обратить вниманіе и сильнѣе подѣйствовать на сердца болѣе упорныя въ невѣріи. Итакъ, если Божественность Господа Іисуса не увеличивается, такъ сказать, отъ того, что авторъ представилъ дѣла Его въ болѣе яркомъ свѣтѣ, то и невѣріе іудеевъ точно также оставалось бы во всей силѣ, еслибы оно не преклонилось и предъ тѣми чудесами, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты. Но предположимъ даже, что автору и пришлось бы представить свою идею болѣе выразительно, онъ за то проигрывалъ бы въ другомъ и самомъ главномъ, — это въ довѣріи къ себѣ читателей.

Перейдемъ теперь къ частнымъ особенностямъ, заключающимся въ повѣствованіи о каждомъ фактѣ отдѣльно.

Чудо въ Канѣ Галилейской (Гл. 2, 1—11). Изъ всѣхъ особенностей, на которыя обращается вниманіе въ повѣствованіи объ этомъ событіи, самая главная та, что цѣль этого чуда стоитъ будто бы въ прямомъ противорѣчій съ цѣлю другихъ Евангельскихъ чудесъ. Эти по-

слѣднія имѣютъ будто бы всегда цѣль какую либо благодѣтельную, на примѣръ: избавленіе отъ зла физическаго; но чудо въ Канѣ не имѣло будто бы никакой другой цѣли, какъ удовольствованіе чувственности (1). Какъ ложно, какъ неосновательно такой взглядъ на чудеса примѣтять очень не трудно. Если бы цѣль чудеса состояла только въ избавленіи отъ зла физическаго, то для нея никакъ не требовалось бы такое сильное средство, какъ снисшествіе на землю Сына Божія. Она всегда бы могла быть достигнута чрезъ другое болѣе простое средство. Но какъ самое это снисшествіе имѣло другую цѣль, именно уврачеваніе нравственной природы человѣка, то и чудеса, главнымъ образомъ, направлены были именно къ этой цѣли. Вотъ отъ чего Господь всегда, какъ только совершалъ чудо, какъ главнаго условія для этого, требовалъ вѣры (Лук. 8, 50). Слѣдовательно, если цѣль чуда—не одно избавленіе отъ зла физическаго, то очень могло быть, что въ отношеніи къ этой то цѣли, оно могло стоять иногда довольно далеко. Таковы и видимъ чудеса: хожденіе по водамъ (Мѡ. 14, 25); изсушеніе смоковницы (Марк. 11, 11). Таково же точно чудо и въ Канѣ Галилейской. Не зло физическое, а зло нравственное имѣлось главнымъ образомъ въ виду при этомъ чудѣ. Чрезъ это чудо должно было въ первый разъ проявиться могущество Господа и такимъ образомъ возникнуть первое проявленіе вѣры въ сердцахъ избранныхъ учениковъ Его: „вѣриваша въ Него ученицы Его“ (2, 11). Впрочемъ нельзя сказать и того, что это чудо совершенно далеко было въ отношеніи къ первой цѣли. Только грубое невѣжество мо-

(1) Straus. Leb. Jes. 210.

жетъ назвать доставленіе вина брачному пиршеству по-
творствомъ чувственности. Вино есть такой же жизнен-
ный продуктъ, какъ и всякіе другіе, и точно также
служить на пользу человѣка, какъ и тѣ. Вотъ отъ че-
го оно было въ употребленіи даже при такихъ священ-
ныхъ вечерахъ, какъ вечера пасхи. Оно было въ упо-
требленіи даже и на той святой вечери, на которой
Господь въ послѣдній разъ присутствовалъ съ Своими
учениками. Слѣдовательно, еслибы оно было доставле-
но семейству даже безъ отношенія къ случаю, то и
тогда не было бы ничего удивительнаго. Но намъ
извѣстно, что случаемъ къ доставленію вина былъ не-
достатокъ его на брачномъ пирществѣ. Это обстоятель-
ство еще болѣе возвышаетъ значеніе чуда. Бракъ есть
такое въ жизни человѣка событіе, отъ котораго зави-
ситъ не только вся послѣдующая жизнь двухъ брачу-
ющихся личностей, но и жизнь ихъ потомства. Вслѣд-
ствіе такого значенія брака, возникаютъ требованія,
чтобы вся обстановка брака была такая, которая бы
могла обрисовать характеръ жизни новыхъ супруговъ.
Итакъ, если исполненіе этого требованія довольно важ-
но, то ничто не можетъ быть въ этомъ случаѣ такъ при-
годно, какъ вино; ничто не можетъ лучше, какъ оно,
указывать на самыя необходимыя качества брачной жиз-
ни: радость и веселіе. Что же касается злоупотребленій,
то злоупотреблять можно чѣмъ угодно. Не только вино,
но и хлѣбъ въ безмѣрномъ употребленіи также вреденъ.
Совершая чудо, Господь зналъ свойства тѣхъ, которые
будутъ имъ пользоваться, зналъ, что они не употребятъ
во зло дарованныя имъ благодѣянія. Если неоснователь-
на самая критика чуда, то еще болѣе неосновательны
тѣ объясненія, которыя стараются придать ему. Первое

объясненіе, которое даетъ ему Штраусъ, это то, что оно есть мифъ. Но мифъ, какъ извѣстно, образуется изъ какихъ либо имѣвшихся уже представленій, а между іудеями, время ли Иисуса, или время болѣе раннихъ, сколько извѣстно, никакого подобнаго означенному представленія о Мессіи не было. Слѣдовательно, еслибы это былъ мифъ, то онъ не имѣлъ бы никакого историческаго основанія. Еще менѣе можно думать, что это притча, какъ думаетъ Вейсе (1). Если бы это была притча, то какъ же произошло то, что Апостолы и другіе слушатели, всегда умѣвшіе отличать притчу отъ факта, не умѣли сдѣлать этого въ отношеніи къ означенному случаю. Далѣе: если бы это была притча, то не былъ бы понятенъ смыслъ ея, и наконецъ эта притча совершенно стояла бы изолированно въ ряду другихъ Евангельскихъ притчей. Точно такую же неосновательностію страдаетъ мифъ Фрорера (2), по которому чуда собственно не было, а было только денежное вспомошествованіе со стороны Господа и это-то простое вспомошествованіе возведено на степень чуда. Если предположить такое возведеніе простаго факта на степень чуда, то нужно допустить, что оно было или ненамѣренно, или намѣренно. Но ненамѣренно оно быть не могло. Въ повѣствованіи объ этомъ чудѣ находятся такія подробности, которыя прямо показываютъ писателя очевидца (2, 6). Еще труднѣе допустить намѣренное искаженіе факта. Такъ какъ свидѣтелями этого чуда было много іудеевъ, то не мыслимо, чтобы они не постарались при появленіи Евангелія разоблачить ложь и выставить дѣйствительность. По мнѣнію Баура, чудо въ Канѣ един-

(1) Привед. у Страуса, *Leb. Jes.* 11, 219.

(2) *Geschicht. Uechnst.* III. S. 304.

ственно для того вставлено въ Евангеліи, чтобы показать ученикамъ Мессіанское достоинство Іисуса и выставить контрастъ между Нимъ и Іоанномъ, знаменитымъ строгостію своей жизни (1). Но еслибы Евангелисту нужно было выразить только эту мысль, то ему рѣшительно не было нужды прибѣгать къ такой формѣ, которая, съ одной стороны компрометировала всё его произведеніе, съ другой—на столько не ясна, не выразительна, что едва ли кто либо изъ читателей уразумѣлъ смыслъ ея. Итакъ всё объясненія критиковъ страдаютъ полною несостоятельностью.

Исцѣленіе сына капернаумскаго царедворца (4, 46). При повѣствованіи объ этомъ чудѣ, прежде всего останавливаетъ вниманіе самая постановка факта въ этомъ именно мѣстѣ. Читая повѣствованіе о немъ въ связи съ предъидущими и послѣдующими фактами, нельзя не видѣть, что оно какъ то стоитъ уединенно. Впереди говорится, что Господь только что возвратился съ одного изъ іерусалимскихъ праздниковъ, а послѣ него опять говорится о іерусалимскомъ праздникѣ и о новомъ пребываніи тамъ Господа. Но такъ какъ между тѣми и другимъ праздникомъ находится значительное пространство времени: годъ, или около года, то и не понятно, почему изъ всего этого довольно значительнаго промежутка времени взять именно этотъ фактъ. Эта особенность въ постановкѣ дала Бауру поводъ думать, что и это чудо не имѣетъ историческаго характера, что оно стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми рѣчами Господа, о которыхъ Евангелистъ только что упомянулъ. Но такъ какъ совершенно от-

(1) Krillsch. Unters. üb. Kon. Ev. S. 116.

казать этому факту въ исторической дѣйствительности было трудно, то Бауръ взялъ нѣсколько подходящій фактъ изъ сгноптическихъ Евангелій и указалъ на него, какъ на матеріалъ, изъ котораго составлено означенное чудо. Но если бы дѣйствительно означенный фактъ былъ не болѣе, какъ переименованіе событія, о которомъ упоминаетъ Ев. Мѳ. (8, 5), то необходимо нужно предположить, что Евангелистъ измѣнилъ бы его только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не подходили къ его возрѣнію, во всемъ же остальномъ онъ долженъ былъ бы остаться вѣрнымъ первому источнику. Сопоставляя же матеріалъ и мнимую передѣлку его, мы замѣчаемъ, что самое то нужное для цѣли автора не взято, а совершенно не нужное, ни мало къ дѣлу не относящееся, переименовано. Такъ какъ цѣль поддѣлки факта, по мнѣнію Баура, была та, чтобы, въ противоположность вѣрѣ Никодима, основанной на знаменіяхъ, показать превосходство вѣры, основанной на одномъ довѣріи къ слову, то фактъ, прямо взятый изъ сгноптическихъ Евангелій, лучше выражалъ эту мысль, чѣмъ передѣлка его. Тамъ проситель такъ твердо вѣруетъ въ Господа, что одного слова Его считаетъ достаточнымъ для врачеванія своего слуги. Далекъ не такъ въ мнимои передѣлкѣ. Здѣсь проситель хотя также вѣруетъ одному слову, но уже тогда, когда получилъ обличеніе за недостатокъ вѣры слову, когда пригласилъ Господа уже къ себѣ въ домъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ видѣть чудо. Но предположимъ даже, что эта передѣлка, такъ или иначе, нужна была для Евангелиста; въ такомъ случаѣ зачѣмъ онъ передѣлалъ даже тамъ, гдѣ совершенно это не было нужно? За чѣмъ нужно было, чтобы былъ не сонникъ (*εἰρηνοτάφους*),

какъ у Ев. Маттея, а царедворецъ (*Βασιλικός*), чтобы былъ не слуга, какъ у Ев. Маттея (*παῖς μου*), а сынъ (*υἱός*)? Зачѣмъ нужно было, чтобы болѣзнь была не разслабленіе (*παραλυτικὸς*), какъ въ Ев. Мѣ., а горячка (*εἰς πυρετός*)? Ужели и это все относилось къ цѣли? Всѣ эти вопросы вовсе останутся не разрѣшенными, если предположить, что здѣсь не подлинный фактъ, а передѣлка. Но какъ и съ признаніемъ за чудомъ характера историческаго, хотя подобныя вопросы и устраняются, не устраняется все-таки тотъ вопросъ: почему же этотъ фактъ занялъ такое изолированное мѣсто на страницахъ этого Евангелія, — то и мы должны дать съ своей стороны объясненіе. По нашему мнѣнію, этотъ фактъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дополнительныхъ фактовъ, которыми изобилуетъ это Евангеліе. Думать такъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе. Евангелистъ Лука въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о какомъ-то капернаумскомъ чудѣ, о которомъ между тѣмъ подробно не рассказываетъ (Лук. 4, 23); но какъ Ев. Іоаннъ, по свидѣтельству древности, дополнялъ три первыхъ Евангелія, то и неудивительно, что онъ счелъ нужнымъ рассказать о немъ. Такое объясненіе ни къ какимъ затрудненіямъ не приведетъ, между тѣмъ будетъ вполне согласно съ преданіемъ.

Исцѣленіе разслабленнаго при купели Виѣзда (гл. 5). Повѣствованіе объ этомъ чудѣ имѣетъ еще болѣе особенностей, чѣмъ повѣствованіе о двухъ предъидущихъ. Первое, что останавливаетъ особенное вниманіе — это самая купель Виѣзда и то движеніе, которое въ ней происходило. Такъ какъ существованіе такой знаменитой водолечебницы не могло будго сокрыться отъ взора знаменитаго іудейскаго историка Флавія, то молчаніе

его объ этомъ въ некоторыхъ приводило въ недоумѣніе, а другихъ, какъ напримѣръ Штрауса и Баура, къ прямому отрицанію достовѣрности повѣствуемаго факта. Но прежде всякаго требованія отъ извѣстнаго лица того или другаго свидѣтельства, нужно спросить себя: въ правѣ ли мы требовать отъ него извѣстнаго свидѣтельства. Этому то вопросу и не предложили себя тѣ, которые требуютъ отъ Флавія свидѣтельства о водолечебницѣ. Іосифъ Флавій дѣйствительно знаменитый іудейскій историкъ и дѣйствительно онъ много оставилъ намъ описаній различныхъ мѣстностей; но онъ историкъ одного спеціальнаго предмета — іудейской войны, а слѣдовательно и описаніе мѣстностей Іерусалима имѣетъ у него спеціальнѣйшій характеръ—отношеніе къ войнѣ. То, что относилось къ этой дѣли, онъ описывалъ, а все прочее — опускалъ. Слѣдовательно, мы никакъ не въ правѣ требовать отъ Флавія описанія этой купели, а тѣмъ болѣе дѣлать какія либо соображенія на основаніи этаго молчанія. Впрочемъ есть основаніе думать, что и у Іосифа Флавія есть упоминаніе объ этомъ мѣстѣ. Въ Евангеліи не говорится, что вотъ существовала купель съ такимъ то названіемъ, а допущено выраженіе: *ἐπιλεγομένη*, (1). Это выраженіе показываетъ, что существовали и другія названія этой купели. А если такія названія существовали, то можно думать, что и у Іосифа Флавія есть такое упоминаніе, только подъ другимъ названіемъ. Такъ какъ народное преданіе мѣсто означенной купели указываетъ на сѣверо-восточной части города, внѣ храма (2), то вполнѣ

(1) Хотя въ некоторыхъ спискахъ и читается *λεγομένη*, но въ большинствѣ списковъ *ἐπιλεγομένη*.

(2) S. Maendrell G. Paulus Sammlung merkwürdigen Reisen in d. Orient Th. 1, V. 135.

вѣроятно, что упоминаемая у Иосифа Флавія: *επιτροχου* и есть самая Виеезда (1). Но если бы и дѣйствительно такого свидѣтельства у Флавія не было, то этотъ недостатокъ вполне могъ вознаграждаться свидѣтельствомъ Евсевія, который очень былъ близокъ къ древнему преданію (2). Ко всему этому нельзя не присоединить и того, что едвали какой бы писатель, искавшій довѣрія у читателей, рѣшился, безъ всякой нужды, упомянуть о существованіи лечебницы въ такомъ мѣстѣ, которое было извѣстно не только каждому іудею, но и многимъ изъ иностранцевъ, значить, со стороны молчанія о водолечебницѣ — затрудненій нѣтъ. Что же касается до самаго движенія воды, производимаго Ангеломъ, то сомнѣваться въ этомъ мы не имѣемъ никакого права. Уже одно то, что Евангелистъ рѣшился сослаться на это явленіе предъ лицомъ современниковъ, показываетъ, что это явленіе дѣйствительно было. Но въ какомъ видѣ было,—это не важно. Было ли это видимое снисшествіе, или невидимое, характеръ чудодѣйственный, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, остается во всей силѣ. Не менѣе часто останавливало на себѣ вниманіе читателя Евангелія отъ Иоанна и самое положеніе больнаго. Въ ст. 6-мъ говорится о немъ, что онъ 38 лѣтъ лежитъ въ постели, между тѣмъ въ 7-мъ говорится, что онъ приходилъ. Но это недоразумѣніе очевидно происходитъ отъ недостатка пониманія состоянія больнаго. Если о больномъ сказано, что онъ лежалъ 38 лѣтъ, то это не значитъ, что онъ неподвижно находился при купели 38 лѣтъ. Нѣтъ, онъ жилъ, вѣроятно, гдѣ либо не далеко отъ купели и только каждо-

(1) Bell. Jud. V II. 4.

(2) Onomasticon ed. Klerickus.

дневно навѣдывался: не будетъ ли желаемаго движенія воды; такъ какъ ждать приходилось долго, между тѣмъ силы больнаго были слабы, то онъ носилъ съ собою постель для отдохновенія. Но хотя онъ приходилъ, быть можетъ, каждодневно въ теченіи 38 лѣтъ, однако ему никогда не приходилось воспользоваться цѣлительною водою; причина этого была вѣроятно или та, что другіе больные сами владѣли достаточнымъ количествомъ силъ, чтобы воспользоваться удобной минутой, или же та, что другіе имѣли, по большей части, людей у себя, которые помогали имъ въ этомъ. Это то безпомощное состояніе и обратило вниманіе великаго Чудотворца. Быть можетъ, подобно Бауру, кто либо скажетъ: ужели такъ безчеловѣчна была нація, что въ средѣ ея не нашлось человѣка, чтобы помочь больному на нѣкоторое время. На это отвѣтимъ мы, что въ этомъ случаѣ требовалась далеко не такая ничтожная услуга, какъ думаютъ нѣкоторые. Такъ какъ ни для кого извѣстно не было, когда произойдетъ движеніе воды, то нужно было, по крайней мѣрѣ, около года находиться постоянно при больномъ, чтобы оказать ему услугу. Да и въ этомъ случаѣ успѣха не всегда ожидать было можно. Вѣдь не у одного этого больнаго могъ быть помощникъ; онъ могъ быть и у другихъ: слѣдовательно очень легко могло случиться, что и съ помощникомъ можно было не достигнуть желаемаго успѣха. Что касается самаго способа исцѣленія, то здѣсь останавливаетъ вниманіе то, что исцѣленіе послѣдовало безъ всякой просьбы со стороны больнаго, чему будто бы положительно нѣтъ примѣра въ Евангельской исторіи. Но во первыхъ несправедливо то, что такихъ примѣровъ нѣтъ. Такъ, когда кровоточи-

вая хотѣла прикоснуться только къ одеждѣ, то Господь Самъ обратился къ ней съ предложеніемъ помощи, (Мѡ. 9, 22); во вторыхъ, нужно взять то во вниманіе, что Іерусалимъ былъ не то, что различныя мѣстечки Галилеи. Въ этихъ послѣднихъ прибытіе чудотворца не могло оставаться неизвѣстнымъ, и потому каждый самъ легко могъ обратиться за помощію. Не то было въ Іерусалимѣ. Среди многочисленной массы народа, какая обыкновенно бываетъ въ городахъ столичныхъ, особенно среди іерусалимскихъ праздниковъ, очень трудно было узнать Того, къ Кому нужно было обратиться за помощію.

Чудо исцѣленія слѣпнаго (гл. 9). Такъ какъ въ повѣствованіи объ этомъ чудѣ нѣтъ ничего, что давало бы особенный поводъ къ отрицанію его, то стараются обыкновенно обратить вниманіе на тотъ вопросъ, который предложили ученики Господу при видѣ слѣпорожденнаго. Но это такой простой, такой натуральный вопросъ, что только тотъ и можетъ видѣть въ немъ указаніе на какую либо идею, кто рѣшился во всемъ находить поводъ къ отрицанію. Извѣстно, что между іудеями было довольно распространено то мнѣніе, что особенныя наказанія назначаются за особенныя грѣхи. Этого мнѣнія очевидно держались и ученики Господа, — но выражать его они до сихъ поръ не имѣли повода. Если они и видали слѣпыхъ, то видали такихъ, которые приобрѣли слѣпоту со временемъ, которые, слѣдовательно, были, по ихъ воззрѣнію, сами виновниками своего бѣдствія. Но вотъ теперь представился ихъ взору человѣкъ, который былъ слѣпъ отъ рожденія, такой человѣкъ, положеніе котораго съ трудомъ подходило подъ ихъ воззрѣніе на человѣческія бѣдствія.

Такъ какъ самъ онъ едва ли могъ быть виновникомъ бѣдствія, то возникалъ вопросъ: ужь не виновны ли въ этомъ его родители? Итакъ въ самомъ вопросѣ рѣшительно нѣтъ ничего, что могло бы указывать на какую либо идею. Еще менѣе можно найти ее въ отвѣтѣ Господа. Правда, Онъ указываетъ на славу Бога, которая должна проявиться въ исцѣленіи этого слѣпого, но вѣдь слава Божія не въ одномъ только этомъ проявилась чудѣ; она проявлялась и во всѣхъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ первые Евангелисты; слѣдовательно, если видѣть идею здѣсь, то нужно будетъ видѣть ее и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Чудо воскрешенія Лазаря (гл. 11). Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами событій, ни на одномъ не останавливалось такъ долго вниманіе критиковъ отрицательнаго направленія, какъ на этомъ событіи. Бауръ, въ своемъ сочиненіи о каноническихъ Евангеліяхъ, посвятилъ этому событію цѣлый отдѣлъ, гдѣ прямо объявляетъ, что отъ того или другаго взгляда на это событіе зависитъ рѣшеніе вопроса: на сторонѣ ли сѣвоптиковъ истина, или на сторонѣ Евангелиста Іоанна. Хотя главное основаніе, какое приводится въ опроверженіе достовѣрности факта, здѣсь опять то же, какъ и въ опроверженіи предъидущихъ, но здѣсь оно приводится съ значительными особенностями. Здѣсь не просто говорится, что Евангелисты должны были упомянуть о фактѣ, а представляются основанія для этого: событіе воскрешенія Лазаря взволновало будто бы весь городъ; оно дало новый оборотъ судьбѣ Іисуса, и слѣдовательно, если бы даже это событіе и не входило въ планъ повѣствованій первыхъ Евангелистовъ, то оно должно было войти въ него, какъ поводъ къ рѣшенію судьбы надъ Іи-

сусомъ. Но ни одно изъ этихъ основаній не имѣеть силы. Прежде всего несправедливо то, что это событіе взволновало весь городъ. Что объ немъ знали многіе, особенно изъ вѣровавшихъ, — это правда, но чтобы весь городъ взволновался — это несправедливо. Число вѣровавшихъ было незначительно, а невѣрующіе іудеи не о томъ старались, чтобы разглашать объ этомъ событіи, а о томъ, чтобы какъ можно лучше скрыть его. Вотъ отъ чего іудеи, бывшіе свидѣтелями чуда, не пошли разглашать народу въ городѣ, что сдѣлалъ Іисусъ, а пошли къ фарисеямъ, чтобы только ихъ предупредить объ опасности. Правда, это событіе имѣло вліяніе на увеличеніе числа вѣрующихъ; правда, оно главнымъ образомъ было причиною, что народъ вышелъ на встрѣчу къ Господу при Его входѣ въ Іерусалимъ; но все же это не значитъ, чтобы весь городъ взволновался. Но если бы даже и дѣйствительно весь городъ былъ въ волненіи, все же это не значитъ, что Евангелистъ необходимо долженъ былъ упомянуть объ этомъ фактѣ. Развѣ другія чудеса менѣе волновали города и селенія? Развѣ исцѣленіе разслабленнаго и слѣплого меньшее произвело впечатлѣніе, — однако отъ чего же и объ этихъ фактахъ нѣтъ ни слова? Итакъ волненіе въ народѣ, если бы оно даже и дѣйствительно было, не есть еще поводъ къ упоминанію. Повидимому важнѣе другое основаніе, состоящее въ томъ, что чудо воскрешенія дало поводъ къ рѣшенію судьбы Іисуса Христа, и что съ этой одной стороны требовало упоминанія. Но если чудо воскрешенія Лазаря имѣло такое значеніе для Баура, то это не значитъ еще, что оно должно было имѣть такое же значеніе и для Евангелистовъ. Оно дѣйствительно было окончательнымъ поводомъ къ рѣшенію

судьбы Господа, но все таки это былъ поводъ, а не причина. Правда, этотъ фактъ довелъ до послѣдней степени ненависть враговъ Господа, но не онъ одинъ довелъ, а при немъ былъ еще рядъ безчисленныхъ фактовъ, повторявшихся въ жизни Господа, слѣдовательно важенъ-то былъ собственно не онъ, а тотъ мотивъ, который въ немъ дѣйствовалъ; важна была собственно причина, которая довела Господа до Его крестной смерти. Не будь этого факта и его замѣнилъ бы точно также каждый другой. Причина всегда имѣла бы свое дѣйствіе. Такимъ образомъ для первыхъ Евангелистовъ могъ быть не столько важенъ поводъ, сколько важна причина и, если они постоянно говорили о послѣдней, то совершенно имѣли право не говорить о первомъ. Притомъ, если бы они упомянули объ этомъ фактѣ, то имъ нужно бы было говорить и о другихъ іерусалимскихъ фактахъ, отъ времени до времени возбуждавшихъ ненависть въ іудеяхъ; одинъ бы этотъ фактъ, какъ мы сказали уже, былъ бы недостаточенъ. Но такъ какъ упоминаніе о другихъ фактахъ, по высказаннымъ уже нами причинамъ, не входило въ планъ повѣствованій первыхъ Евангелистовъ, то ни мало не удивительно, если не вошелъ и этотъ фактъ. Бауръ недоумѣваетъ еще надъ тѣмъ, какъ это событіе не имѣло вліянія на криминальный процессъ надъ Иисусомъ? Какъ никто не заявилъ объ этомъ замѣчательномъ фактѣ на судѣ у Пилата? Но вѣдь адвокатуры тогда еще не существовало. Да и кто бы былъ такимъ адвокатомъ? Апостолы? Но если припомнимъ, что случилось съ ними въ саду, если вспомнимъ, какъ поступилъ Ап. Петръ, то едвали будемъ разсчитывать на ихъ заступничество въ то время. Самъ Господь? Но къ чему бы послужило

это? Развѣ Онъ не заявлялъ открыто во храмѣ о своихъ дѣлахъ? Развѣ не подтвердилъ Онъ Свое Божественное достоинство на судѣ у первосвященника? Развѣ не зналъ наконецъ самъ Пилать о Его чудесныхъ дѣйствіяхъ? Итъ, теперь ничего не оставалось для Него болѣе, какъ принять крестную смерть и тѣмъ искупить грѣшный родъ человѣческой.

Результатъ всего нами сказаннаго слѣдующій: повѣствованіе Евангелиста Іоанна о чудесахъ Господа дѣйствительно имѣетъ значительныя особенности, но эти особенности никакъ не были слѣдствіемъ того, что онѣ нужны были писателю для какихъ либо особенныхъ цѣлей; эти особенности зависѣли отчасти отъ характера дѣятельности Господа въ Іерусалимѣ, отчасти отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ стоялъ Евангелистъ къ другимъ повѣствованіямъ. Характеръ дѣятельности Господа въ Іерусалимѣ требовалъ, чтобы чудеса болѣе сильно могли дѣйствовать на упорныхъ въ невѣрїи жителей этого города; а отношенія Евангелиста къ другимъ повѣствованіямъ были причиною того, что многое вошло въ его повѣствованіе изъ того, чего не имѣютъ тѣ повѣствованія, и многое оставлено изъ того, что онѣ имѣютъ.

Діаконъ А. Кудрявцевъ.

